

Я и Адзуса начали часто общаться по телефону.

Я собрался стать учащимся третьего года, — вот такой сюжет я придумал. Я хоть и в самом деле являюсь старшеклассником, но с такой маскировкой легче заставить почувствовать Адзусу быть ближе ко мне. И такой подход сработал. Говоря о третьем дне декабря, это период перед вступительным экзаменом в старшую школу. Учёба, тревоги из-за экзаменов, как податься в волонтерство и т. д., недостатка в темах в помине нет.

Похоже, что у неё нет друзей, с которыми она может поболтать в школе, так что мне не нужно слишком беспокоиться, когда она чатится со мной, а потому она не раз писала мне спасибо за это.

— Сейчас все одноклассники по горло заняты учёбой. Я так рада, что смогла найти кого-то с кем можно легко пообщаться.

Судя по её тону, что я слышу, это правда.

Адзуса открыла мне своё сердце, я смог наладить общение слишком легко.

Она страстно увлечена миром цветов, её любимыми темами являются отрывки из «Записки от скуки» и последняя сцена из «Повести о старике Такэтори». Пока можно вот так воодушевлённо беседовать, мне также легче притворяться, что я заинтересован в ней.

Воспользовавшись удобным моментом, я спросил о её семье.

— Слушай, а чем занимается твой брат?

Её ответ был расплывчатым.

— Ну... .. он сейчас чем-то занимается.

— Сестрёнка не знает, что да как? — я сделал вид, будто спрашивал шутя. — У него работа?

— Как бы тебе сказать... .. Я не могу связаться с моим братом.

— Его нет? Без вести пропал?

Услышав, что я спросил, Адзуса пробормотала: «А, ну... Эм, кое-что случилось».

— А... вот что, — из её расплывчатого ответа я понял важную деталь... конечно, это было притворство. — Извини, кажется, я спросил кое-что, чего не стоит спрашивать.

Услышав мои извинения Адзуса также сказала: «Да ничего, не хорошо с мой стороны».

Повисло долгое молчание.

Я подгадал возможность и сказал ей мягким тоном: «Конечно, если ты не хочешь говорить об этом, то ничего страшного. Но если ты захочешь поговорить, я выслушаю, что ты скажешь. О таком же определённо не говорят в школе?».

Действительно тошнотворная фраза, это слишком стыдно.

Тем не менее Адзуса не стала увиливать от ответа.

— Эм, а... — тихо сказала она. — Мне кажется Ацуто может понять подобные вещи.

— Ах, можешь верить мне.

— Позволь мне подумать об этом. Ладно, я пойду учиться, пока-пока.

Она просто ответила, без какой-либо бдительности.

Повесив трубку, я улыбнулся.

Она не узнала, кто я такой, это уж точно.

Она ничего не знает.

Он не знает, что её брат сделал со мной.

Боль, которую я испытал, она не понимает.

...

После окончания вызова Адзусе я посмотрел на фотографию.

Моя сестра Юми весело улыбалась. На этой фотографии, где я делаю селфи вытянутой рукой, Юми и моя бабушка улыбались бок о бок.

Пятнадцатый день рождения.

Я смотрю на эту фотографию каждый день, но в последнее время моему сердцу стало не по себе.

Когда Юми дарила мне подарок на тот день рождения, я помню, что она сказала:

Я подобрала этот цветочек.

Я хорошо помню, как я тогда обливался холодным потом. Разве та гора не частная земля? Юми гордо сказала, что она «нашла в горах» цветущий подснежник, а прибавляя к этому то, что её обувь была грязной, я в этом не сомневался.

Однако в Японии нет диких подснежников.

Получается, Юми соврала мне? Для чего? У неё было не так много карманных денег, тогда как она раздобыла подснежники?

— Ацудо, приятель, на что смотришь?

Внезапно донёлся звук.

Я поднял голову и обнаружил, что это сосед по комнате. Я живу в трёхместном номере юношеского дома, мой позитивный сосед по комнате смотрел на меня, весело хихикая.

— В последнее время ты постоянно тайно кому-то названиваешь, это твоя девушка?

— Извини, я не хочу говорить, — я отказал и встал. — Помнится, я уже говорил не заговаривать со мной, когда я смотрю в свой телефон.

Сосед по комнате неудовлетворённо нахмурился.

Я был в центре обеспечения уже больше полугода, но я до сих пор не привык к этому. Сотрудники говорили, что они надеются, что я буду относиться к этому месту как к новому дому, но мягкое отношение, которое почти бездействует, только усиливало мою раздражительность.

Мой дом не здесь.

Только то место, где моя бабушка и Юми показывают свои сердечные согревающие улыбки и есть мой дом.

Сосед по комнате открыто выражал своё недовольство.

Подумав об этом, возможно, он говорил по доброте душевной, поэтому я виновато заговорил:

— Скажу тебе так, не связываться со мной — тебе же безопасней.

Я проигнорировал реакцию моего соседа по комнате и ушёл на пробежку.

Это не плохое место. Но я хочу побыть в одиночестве.

Я продолжаю бегать каждый день.

Эта привычка вырабатывалась ещё когда я участвовал в соревнованиях по лёгкой атлетике в средней школе, а также когда я присоединился к клубу лёгкой атлетики, посещая очную старшую школу.

Бежать не неудобно, скорее, если я не выйду на пробежку хотя бы больше одного дня, я всегда буду чувствовать эмоциональную нестабильность.

Делаю большой шаг вперёд, чувствую удар отскока от земли, затем делаю ещё один шаг. Отзвуки шагов шли в такт с сердцебиением, мне нравится эта серия процессов.

К сожалению, я перешёл в старшую школу с дистанционной формой обучения в которой практически не было очных уроков: пока что мне нужно ходить в школу только четыре раза в год, без спортивных клубов.

Поэтому я бегал вдоль реки Тама в одиночестве каждый день.

Во время пробежки вы можете очистить свой разум. Наблюдая за рекой, чувствуя поток ветра, единственное, что нужно делать: шагать.

По пути, на дорожку вышла группа старшеклассников, как будто те были из футбольной команды старшей школы, а на их спортивной форме было написано странное название школы. Они громко подбадривали друг друга и шутили между собой, но, несмотря на усталость, на их лицах всё равно можно было увидеть улыбку.

Я опустил голову, чтобы не смотреть на их выражения. У меня подсознательно появилась эта привычка.

Картина пересмеивающихся между собой сверстников слишком ослепительна, это время юности, которое я потерял.

Проще говоря, это ревность.

Я побежал быстрее.

Ритм нарушился посередине, я сделал шаг раньше времени. Как только циклы дыхания и движения становятся запутанными, в тело врывается усталость, и у меня больше не остаётся сил на то, чтобы насладиться пейзажем.

Чувствуя, что я спотыкаюсь о собственные ноги, я остановился.

Я остановился на половине запланированного расстояния. Это самый низкий показатель за всё время, это уж точно.

Я выровнял своё дыхание и продолжил двигаться у реки Тама.

Пройдя какое-то время, я увидел женщину средних лет, стоящую впереди. Она носила немного грязный пуховик. «Эй, Ацуту, давно не виделись», — она осторожно помахала рукой.

Я плевать на неё хотел, так что прошёл мимо неё.

Это корреспондентка еженедельного журнала, женщина, которая всюду снуёт за мною. Действительно раздражает.

— Эй, Ацуту, мы можем немного поговорить? Хватит и совсем немного.

— Мне не о чем с вами разговаривать.

Тем не менее, она плотно привязалась.

Я хотел сорваться с места, но я до сих пор дышал через нос и не пришёл в норму.

— Из-за статей, которые вы написали, моя жизнь была полностью разрушена, — я косо посмотрел на неё. — Вы хоть знаете, сколько людей смотрят на меня вульгарными глазами?

Как-то раз в апреле я согласился на её интервью. В то время я хотел излить печаль об инциденте, и я не хотел сдаваться.

Я отчаянно рассказывал историю о том, насколько нежна бабушка, какое многообещающее будущее было у моей сестры, и насколько жестоки внезапные несчастья.

Тем не менее содержание её статьи было непростительно вульгарно.

Красивый брат и сестра пережили внезапную трагедию... .. заголовок, вроде, такой.

Большую половину места занимали не подробности инцидента, а крепкие узы между братом и сестрой. По словам корреспондентки, и брат, и сестра имеют завидную внешность и очень популярны у противоположного пола. Эта информация не имела никакого отношения к произошедшему инциденту.

Вот такая наглая писанина о внешности Юми сделала его очень несчастным, но дело не только в этом, эта корреспондентка без разрешения опубликовала фото Юми.

Эта статья окунула их в центр внимания. Сэмпай и одноклассники бросали любопытные взгляды, а незнакомцы говорили утешительные слова.

Эта обстановка заставляла его чувствовать себя как на иголках, она была невыносимой.

— Несколько месяцев назад ты перевёлся в другую школу, — корреспондентка отчаянно пыталась не отставать. — Над тобой издевались? Ты не мог бы рассказать мне всё в деталях?

Она налагала со своими глупыми фантазиями.

— Это всё из-за вашей статьи, — я ответил кратко. — Больше не приходите ко мне за интервью.

Дыхание восстановилось к стабильности, я снова побежал.

Скорость постепенно увеличивалась.

Корреспондентка не отставала, как могла.

— Послушай, Ацутто, это всё ради того, чтобы люди знали о трагических фактах преступности среди несовершеннолетних. Если ты не ответишь, мне придётся писать на основе собственных догадок, ты же не хочешь, чтобы было такое, правильно?

Я повернулся и крикнул: «Как хотите!».

— Если ненавидеть, то ненавидь преступника, — кричала она. — Если ненавидеть, то ненавидь преступника.

Твою мать, в самом деле паршивое настроение.

Я ещё больше увеличиваю скорость.

Почему мне даже не дают спокойно побегать? Вы хоть знаете, что люди, которые потеряли свою семью, испытывают серьёзные трудности.

Я надел наушники, прибавил громкость, и только когда в ушах начало долбить, звуки внешнего мира были окончательно изолированы.

Я никогда больше не выберу этот маршрут для бега.

Окончательно убежав от корреспондентки, я кое-куда направился.

Раньше это был дом, когда я жил со своей семьёй. Здание сгорело, но земля ещё там.

Я прихожу сюда почти каждый день.

Сидя в углу двора, свободно растущие кроны деревьев перекрывают свет, образуя темноту, в которой даже не видно при заходящем солнце.

Всё, чего касалась линия взгляда, полностью почернело. Всякий раз, когда его сердце бело в неистовстве, он открывает страницу для просмотра.

То были комментарии с различных новостных сайтов об инциденте с Томитой Хииро.

«Ювенальная юстиция слишком потакает! Поспешите отменить её!». «Помогите семье погибшего, не защищайте преступников». «Преступник должен быть уничтожен обществом». «Разве это не подростки убивают людей?». «Пусть родители преступника несут ответственность!». «Как они могут убавить, а им ничего не делают в ответ?». «Приговаривайте всех преступников к смерти».

Я читал это.

Когда я зашёл в сеть, я прочитал все комментарии. Хотя данное содержание не делало меня счастливым, но я ценил комментарии, что были ниже. Слушать бранные слова трудновато, но они помогают мне поддерживать мой дух от саморазрушения. Иногда я даже провожу целый день на новостном сайте, хорошенько во всё вчитываясь.

Эти голоса поддерживают меня, падающего в несчастную пропасть.

Все злятся ради меня, я чувствую симпатию.

Эти слова, они поддерживают меня к продолжению действия.

Хотя я не могу согласиться с рассказом корреспондентки, но я благодарен ей за то, что она позволила мне увидеть эти слова.

Кроме того, я не могу не согласиться с её предложением.

Если ненавидеть, то ненавидь преступника.

Не могу остановиться.

Для меня, у кого всё отняли и кому нечего терять, невозможно остановить действие.

Но ничего у меня есть так много людей, которые поддерживают меня.

Ради мести, определённая информация имеет важное значение. Я должен спросить об этом Адзусу.

К счастью, план прошёл хорошо.

Я завоевал её доверие. Хотя мы знакомы в течение очень короткого промежутка времени, но теперь она звонит мне каждый день. По крайней мере, она должна видеть во мне друга, которого нельзя терять.

На следующий день я снова позвонил.

Адзуса взяла трубку очень быстро.

Как будто она ждала моего звонка. По правде говоря, от такого люди почувствуют себя счастливыми.

После обычной ежедневной беседы она упомянула один вопрос:

— Это, мы же говорили про моего брата раньше, так?

— Ах, — я пытаюсь ответить мягким голосом.

Она сказала очень неохотно:

— Я до сих пор не могу сказать. Прости, что томила тебя этим. Тебя это не осчастливит, Ацутто, но я правда ничего не могу сказать о том, чем занят мой брат.

Я потерял дар речи.

Адзуса никогда бы и помыслить не смогла, насколько я расстроился.

Я вцепился в штаны, я сдержал желание захотеть взречься.

Прими уже реальность.

Очевидно, что я заполучил доверие Адзусы, но она всё ещё отказывалась рассказать мне о своём брате. А раз так, даже если мы продолжим развивать наши отношения, она вероятно не раскроет эту информацию.

Однако... не отчаивайся. У меня ещё есть один способ.

Настолько грубый подход... ... но что с того?

Я не могу остановиться.

— Понятно, хочешь увидаться в воскресенье на следующей неделе?

Я быстро спросил, делая вид, что я хочу сменить тему.

Я мог встретиться с ней, вскользь сказав ей: у меня были кое-какие дела неподалёку от её дома.

— Правда? Хорошо, хорошо. — её голос также стал ярче. — Ах... ... а в котором часу... ...

— Ой, точно, — остановившись на мгновение, она сразу сказала: — Я же тебе ещё не говорила, да? У меня есть другие мероприятия в этот день. В школе намечена специальная программа.

Я уже знал это.

Тем не менее, я по-прежнему притворяюсь, будто впервые об этом слышу: «Вот как? Тогда, когда она закончится?».

— Вернусь домой где-то в пятом часу. Время уже позднее.

— В пять, значит, — повторил я ещё раз и заверил её. — Ничего, я приеду.

Затем, чтобы не дать ей возможности заподозрить, как будто у меня не было никакого умысла, я попытался всё осторожно подтвердить. Узнав о распорядке дня её матери, я решил.

До пяти часов в её доме будет лишь одна мать.

Я собираюсь подготовиться к следующему воскресенью.

Пока люди в учреждении спали, я зашёл на кухню. Я уже записал кухонное расположение.

— Не могу остановиться. — сказал я. — Не могу остановиться.

Стоя на кухне, я открыл коробку.

Это была реликвия моей бабушки, найденная на месте сгоревшего бывшего дома. Как и подснежник моей сестры, в память о моей семье, сейчас для меня нет ничего более подходящего.

Внутри коробки лежал кухонный нож, который любила бабушка.

Я использую точильный камень на кухне, чтобы заточить нож.

Множество «голосов» твердят мне, что я не ошибаюсь. С точки зрения результатов это хорошее наказание и замечательный поступок.

Я прав. В конце концов, я чувствую, что уготованное мне наказание, также должно быть смертной казнью.

В конце концов, для меня... .. даже смерть не имеет значения.

— Не могу остановиться. — я шептал снова и снова. — Не могу остановиться.

Я приложил отполированный кухонный нож к пальцу, кожа порезалась и закровоточила.

Глядя на кончик пальца, кровь продолжает течь.

Я готов сделать это. Далее, осталось лишь направить нож на нужного человека.

Всё хорошо. Я могу это сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/29072/708658>